Екатерина Миронова

Представления о браке и брачные практики евангельских верующих в Советском Союзе в 1940–1980-е гг. (по материалам общин евангельских христиан-баптистов Центрально-Черноземного региона)

DOI: http://doi.org/10.22394/2073-7203-2018-36-2-131-162

Ekaterina Mironova

Marriage Ideas and Practices among Evangelical Believers in the Soviet Union in 1940–1980s: The Case of Central Black Earth Region

Ekaterina Mironova — State Academic University for Humanities (Moscow, Russia). ekaterinaimironova@gmail.com

The scope of the present research is the evolution of marriage and family ideas in the Evangelical Christian Baptist movement after World War II in the Soviet Union. The author analyzed the special views on marriage among the Russian Baptists, found in the Baptist bulletin "Bratsky Vestnik" (Fraternal Bulletin), as well as in the archival documents from the Evangelical Christian Baptist churches of Tambov, Voronezh and Lipetsk regions. The author reconstructs the model of marriage relationships and family practices among the Evangelicals. The article shows the system of normative mindset and instructions; the nature of disciplinary practices for regulating the private sphere in the Evangelical Christian Baptist churches. The Baptist doctrine of marriage and family, gender roles, and family planning issues composed a dynamically changing ideology that contained, however, a unique code distinguishing the Baptist lifeworld from the lifeworld of a common Soviet man.

Keywords: gender, marriage practices, Evangelical Christians, Baptists, religious subculture, Soviet gender policy.

В СОВЕТСКОМ Союзе одновременно с трансформацией общественных отношений происходил процесс преобразования брачно-семейной системы. В послереволюционное время модель патриархального брака как часть отжившего старорежимного наследия подлежала перестройке в духе социалистического дискурса.

Современными историками и социологами проделана большая работа по ретроспективному моделированию советского жизненного уклада, в том числе системы брачно-семейных отношений. Отечественные исследователи советской повседневности Н.Б. Лебина, Е.А. Здравомыслова, А.А. Тёмкина, Н.Л. Пушкарева, М.В. Рабжаева изучают вопросы гендерного порядка, советские идеологические конструкты мужественности и женственности, нормы и аномалии в сфере взаимоотношений полов и сексуальной культуры, общественные нормативные установки и нормализующие суждения власти по проблемам семьи и детности. Названные исследователи сходятся во мнении, что советская брачно-семейная система была этакратической, то есть в значительной мере определялась государственной политикой и идеологией. Приватная сфера повседневной жизни находилась под жестким контролем государства и была объектом регулярных экспериментов социальной инженерии. Факторами трансформации представлений о браке и взаимоотношениях полов, изменений в стратегии организации семейной жизни (поиск пары, устройство внутрисемейных отношений, ведение домохозяйства, выбор структурного характера семей) стали инициированные властью процессы урбанизации и индустриализации, проекты пронатальной социальной и либерализованной репродуктивной политики[1].

Подрыв патриархальных устоев русской семьи, связанных с религиозными представлениями (*пережитками прошлого*), выразился в программе по раскрепощению семейных традиций, санкционированной властными инициативами в 1920-е гг., когда обсуждалась легитимность форм нетрадиционных брачных союзов — гражданских, полигамных, гомосексуальных, семей-ком-

1. См. *Рабжаева М.В.* Историко-социальный анализ семейной политики в России XX века // Социологические исследования. 2004. № 6. С. 89–97; *Пушкарева Н.Л.* Гендерная система советской России и судьбы россиянок // Новое литературное обозрение. 2012. № 117. 2012 [http://magazines.russ.ru/nlo/2012/117/p5.html, доступ от 2.10.2017].

мун[2]. Эти изменения происходили в связке с трансформацией гендерного уклада на бытовом уровне.

Итогом гендерной эволюции, происходившей под надзором власти во все периоды становления советской брачно-семейной системы, стала деформация ментальных представлений о семейных ролях мужчины и женщины. Приоритет общественного над частным, как составляющая теоремы успеха жизни по-социалистически, привел к изменению ипостасей точек опоры семьи — мужа и жены / отца и матери семейства: семейные роли были признаны вторичными по отношению к общественным ролям, к включенности людей в процесс создания благ для всего советского коллектива.

С середины 1920-х гг. и до конца эпохи сталинизма длится следующий этап развития советской брачно-семейной системы. В этот период, как отмечают М.В. Рабжаева и Н.Б. Лебина, в результате властных преобразований происходит видимый сдвиг советской общественной ментальности относительно сексуальной культуры в своеобразный аскетичный режим. Предпосылками этого были новые законодательные меры в отношении фертильной функции семьи и запрет на аборты, усложнение процедуры расторжения брака, дискредитация незарегистрированных браков, утверждение статуса «незаконнорожденный ребенок». Анализируя эту ситуацию, исследователи говорят об амбивалентности советской семейной политики этого периода: она была направлена на решение проблемы демографии и формировала идеологическое содержание семейных норм в обществе, в котором социальные эксперименты и кризисы, связанные с войной, сильно дестабилизировали повседневную жизнь[3].

Период с момента осуждения «культа личности» и до падения коммунистического режима в 1991 г. — это третий этап формирования советских брачно-семейных норм как на законодательном уровне, так и в повседневной жизни. Общим признаком преобразований этого периода, по оценке М.В. Антоновой, была постепенная демократизация всего общественного уклада, в том чис-

2. См. об этом: *Лебина Н.Б.* Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М.: Новое литературное обозрение, 2016; *Лебина Н.Б.* Мужчина и женщина: тело, мода, культура. СССР — оттепель. М.: Новое литературное обозрение, 2017.

3. *Рабжаева М.В.* Историко-социальный анализ семейной политики в России XX века. С. 93.

ле сферы взаимоотношений полов[4]. Вследствие этих изменений началась реконструкция границ приватной сферы, утверждалась значимость частной жизни, мужской и женской индивидуальности. Автономизации семьи и выходу интимной жизни за пределы властного управления способствовала программа по индивидуализации жилья, развернувшаяся в СССР в начале 1960-х гг.[5] Были расширены заботы государства о материнстве и детстве, упрощены процедуры установления отцовской ответственности и упразднения семейных отношений, разрешен медицинский аборт[6].

Кроме нормативно-правовых реформ, характер изменений в брачно-семейной системе, согласно исследованию Н.Б. Лебиной, отразила советская культура. Массовое искусство, мода, способы организации досуга, быт и гражданская обрядность зафиксировали противоречия во взглядах власти и общества на проблему взаимоотношения полов, в сюжетах кинофильмов и литературы была отмечена возрастающая потребность советских людей гласно обсуждать проблемы интимных отношений[7].

Замкнутое религиозное сообщество евангельских христиан-баптистов (далее — ЕХБ), несмотря на наличие системы барьеров, отделяющих религиозный жизненный мир от светского, вместе со всем социумом испытывало на себе результаты манипуляций власти в сферах повседневной жизни. В условиях авторитарного конструирования социалистического общества, отказывающегося от «буржуазных и религиозных пережитков», протестантское сообщество в СССР предложило своим членами альтернативную модель поведения. Как регламентировались повседневная жизнь евангельского верующего, сфера взаимоотношений полов, границы гендерных ролей, модель брачных отношений? Какими были нормативы полового поведения верующих и практики устройства приватной сферы? Каким образом они трансформировались в процессе развития церкви ЕХБ в Центрально-Черноземном ре-

4. *Антонова М.В.* Советская социальная политика: семейно-бытовой аспект. 1950–1960-е годы: автореф. дис. канд. исторических наук. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гос. ун-т экономики и финансов, 2010.

5. *Здравомыслова Е.А., Тёмкина А.А.* Государственное конструирование гендера в советском обществе // Журнал исследований социальной политики. Т. 1 (3/4), с. 315.

6. *Рабжаева М.В.* Историко-социальный анализ семейной политики в России XX века. С. 94.

7. *Лебина Н.* Мужчина и Женщина: тело, мода, культура. СССР — оттепель. С. 33–48.

гионе в условиях советского общества? Эти вопросы находятся в центре внимания настоящего исследования.

На сегодняшний день специфика повседневной жизни евангельских верующих, как в прошлом, так и в настоящем, все еще остается не до конца изученной. Гендерный уклад в контексте религиозного учения, механизмы брачного поведения в среде баптистов в прошлом, модель бытовой жизни верующих в условиях действия советской религиозной политики достаточно полноценно представлены в уникальном исследовании Н.А. Беляковой и Мириам Добсон «Женщины в евангельских общинах»[8]. Анализ духовной составляющей повседневной жизни советских баптистов, специфика церковной субкультуры, особенности трансформации «практического богословия» русского баптизма рассматриваются в большом исследовании К. Прохорова «Русский баптизм и православие»[9].

Основное внимание в настоящей статье уделяется особенностям развития брачно-семейных представлений в общинах, входивших во Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов (далее — ВСЕХБ) — централизованное религиозное объединение, продемонстрировавшее бо́льшую лояльность советской политике и, соответственно, испытавшее на себе воздействие ее преобразований в большей степени, чем те религиозные группы, которые встали на путь активного сопротивления советской системе, как например, баптисты-«инициативники» (объединение баптистских общин, вышедших из ВСЕХБ и организовавших альтернативный самостоятельный союз — Совет Церквей ЕХБ).

Нормализация суждений власти, регламентирующих повседневную жизнь, осуществлялась разветвленной системой общественных организаций, средствами массовой информации, комиссиями по агитации и пропаганде, кроме этого важную роль в решении семейно-бытовых вопросов начала играть общественность[10]. Верующие-протестанты являлись, с одной стороны, сегментом советского общества, с другой — были членами религиозных общин, которые сохраняли свое нормирующее влияние.

8. *Белякова Н.А., Добсон М.* Женщины в евангельских общинах. 1940-е–1980-е гг. Исследование и источники. М.: Индрик, 2015.

9. *Прохоров К.* Русский баптизм и православие. М.: Издательство ББИ, 2017.

10. *Здравомыслова Е.А., Тёмкина А.А.* Государственное конструирование гендера в советском обществе. С. 302.

В первом блоке настоящего исследования мы рассмотрим, как были представлены нормы взаимоотношений полов в вероучении русских баптистов, которое в советский период транслировалось со страниц «Братского вестника», служившего в условиях жесткого дефицита Библий и специальной литературы единственным официальным прескриптивным изданием Всесоюзного Совета евангельских христиан-баптистов.

Семья как малая группа имела для целостного религиозного объединения евангельских христиан-баптистов особое значение: в условиях действия советской антирелигиозной программы, когда вмешательство государства в жизнь религиозных общин стало реальной, законодательно обоснованной практикой, семья верующих оставалась центром сохранения традиционных духовных ценностей, опыта церкви, каналом преемственности поколений и воспроизводства религиозных представлений, активом для пополнения общины новыми членами. Значение семьи было велико и для личности отдельного верующего: в семье, в пространстве «своих» становилось возможным беспрепятственно реализовывать личные духовные потребности и активно выражать личную религиозность, чего баптист зачастую лишался в других местах жизненной активности — на работе, в процессе учебы. Неслучайно в рамках баптистского богословия за институтом семьи как ячейки религиозного сообщества закрепилось устойчивое наименование «домашняя церковь», «малая церковь».

В 1947 г. в журнале «Братский вестник» была опубликована статья анонимного автора[11] под заглавием «О браке»[12]; подзаголовок уточнял цель публикации: «для бытового воспитания наших церквей». В указанной статье представлена концепция христианского брака в свете баптистского богословия, подразумевающего буквалистское толкование и прямое практическое исполнение библейских предписаний.

Рассмотрим основные позиции, представленные в статье. Согласно тексту, важной составляющей брака верующих является признание равноправных отношений мужа и жены, поскольку оба равны перед Богом; в то же время в статье говорится и об иерархической структуре семьи, в которой утверждено главенство мужа,

11. Анонимность публикации или подпись в виде инициалов, не обязательно подлинных, — обычная практика того времени.

12. О браке // Братский вестник. 1947. № 1. С. 63–68. [http://mbchurch.ru/upload/iblock/f81/bv_1947_1.pdf, доступ от 14. 12. 2017].

возникшее как следствие грехопадения первых людей в Эдемском саду[13]. С отсылками к библейским текстам муж именуется «главой», «вождем», «покровителем»[14] жены; при этом разъясняется, что главенство мужа установлено Богом не по причине недостаточной компетентности женщины в вопросах устройства семьи, а как следствие большей физической силы мужчины, его способности обеспечивать и защищать семью, любить жену больше себя самого. Повиновение жены «главе» истолковывается не как «идея рабства»[15], но как активное, свободное проявление самоотверженной любви жены к мужу. Согласно этим тезисам, семейные роли мужа и жены равно важны: «обязанности [*во взаимоотношениях*] мужа не менее трудны, чем обязанности жены, и в этом отношении муж и жена равны»[16].

Любовь мужчины и женщины проистекает из нравственных, духовных и физических отношений. Суть нравственных отношений определяется обоюдной заботой супругов о семейном счастье и душевном спокойствии, стремлением развивать дружеское общение. Духовная любовь имеет практическое выражение — совместное следование общим религиозным убеждениям. Характерно, что третий вид любви — физической — рассматривается с позиции именно мужской сексуальности: «Без любви физической мужа к жене не может быть исполнена цель брака»[17]. Так же и брачные отношения в статье оцениваются как троякий союз — нравственный, физический и юридический.

Очередной материал, посвященный вопросам брачной жизни, появляется в официальном журнале лишь через двадцать лет. В статье «О браке»[18], опубликованной в «Братском вестнике» в 1968 г. (автор обозначен инициалами «В.К.»), конструируется правильная модель христианского брака, которую мы рассмотрим в следующей части исследования, сопоставляя официальные позиции вероучения ЕХБ и то, как эти установки реализовывались на практике в среде евангельских христиан-баптистов Центрально-Черноземного региона.

13. Там же. С. 65.
14. Там же. С. 66.
15. Там же.
16. Там же. С. 65.
17. Там же. С. 64.
18. О браке // Братский вестник. 1968. № 5. С. 60–63. [http://mbchurch.ru/upload/iblock/363/bv_1968_5.pdf, доступ от 15. 12. 2017].

В конце 1950-х и в 1960-х гг., на фоне постепенного расширения сферы приватности и возрастающего в обществе интереса к проблемам взаимоотношений полов, вопросы интимного поведения людей постепенно выводятся в сферу публичного обсуждения[19]. Появляются первые специальные публикации, которые, однако, оставались менее доступными для широкого круга читателей по сравнению с другими популярными источниками — отечественными и зарубежными кинофильмами, художественной литературой[20].

В баптистском журнале вопрос о браке характеризуется как «жгучий», «животрепещущий», «тревожащий», «волнующий сердца людей»[21]. Эти эпитеты подчеркивают чрезвычайную важность правильного устроения семьи и в то же время отражают огромную потребность людей в знаниях способов этого правильного устроения. В жизненном мире евангельских христиан-баптистов произведения массовой светской культуры не были ни авторитетными, ни даже допустимыми источниками информации — верующие не просто настороженно, но явно негативно относились к «мирским» кинофильмам, телепередачам, публикациям[22] о любовных взаимоотношениях. Основным каналом полового просвещения и воспитания для верующих был опыт семьи и церковной общины. Но если гендерные роли, христианские традиции уклада семейной жизни верующие воспринимали, будучи непосредственно погружены в христианскую среду в семье и общине, то такие остро проблемные вопросы, как добрачное половое поведение и сексуальная жизнь в браке, не попадали в сферу публичного обсуждения и оставались табуированными, действительно «интимными» темами.

В интервью, взятых для настоящего исследования, информанты, молодость которых прошла в общинах Воронежа и Тамбова в 1950-е — 1980-е гг., рассказали, что единственным приемлемым публичным способом разъяснения вопросов, касающихся сексу-

19. *Лебина Н.* Мужчина и Женщина: тело, мода, культура. СССР — оттепель. С. 41.

20. Там же. С. 43.

21. О браке // Братский вестник. 1968. № 5. С. 60.

22. О восприятии верующими СМИ и советской культуры см.: *Миронова Е.И.* Советский культпросвет и субкультура верующих евангельских христиан-баптистов в первые послевоенные десятилетия (на примере Тамбовского региона) // Философские традиции и современность. 2016. № 1. С. 118–122; *Никольская Т.К.* Русский протестантизм и государственная власть в 1905–1991 гг. СПб: Издательство европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. С. 164–171.

альности верующего, была церковная проповедь, в которой информация преподносилась в специфической вербальной форме:

> Без употребления *всяких* слов. Читалось место [из Библии], чтоб «ложе ваше было непорочно и чисто» (Мальцева Н.С., Воронеж, 2018)[23]; «С кафедры не было об этом, только всегда говорилось о целомудрии. Конечно, проповедовалось больше «кто посмотрит на женщину с вожделением», а юноши — «как себя содержать в чистоте. <…> Разумеется, об интимной жизни до брака никакого разговора даже и не было, и это даже люди не представляли, что так даже может быть. Если где-то это случалось, то это был шок» (Ярмолюк В.Н., Тамбов, 2018).

Как свидетельствуют сами рассказчики, информация с кафедры принималась без обсуждения, как непреложный стандарт благочестия, и этой мотивации было вполне достаточно, чтобы исполнять правильную модель полового поведения вне брака, а именно — практиковать сексуальное воздержание. Сексуальная расторможенность маркировалась в баптистской религиозной среде как серьезное отклонение от общих норм.

Вспоминая о своем взрослении в баптистской общине, одна наша респондентка поделилась, что искусственного и ханжеского игнорирования вопросов интимной сферы в среде верующих все же не было: «Мне было, конечно, интересно что-то узнать, я спрашивала. Но на группе, у нас *этот* вопрос с «сестрами» обсуждался, типа девичника было» (Ярмолюк В.Н., Тамбов, 2018). Таким образом, способы обсуждения интимности в религиозной среде разделялись на общественное информирование и приватное обсуждение: на церковном собрании можно было узнать об общих нормах интимного поведения христианина, а в личных беседах — как решать проблемы взаимоотношения полов до брака и каким образом устраивать интимную жизнь в браке.

В рассматриваемой статье «О браке» мы встречаем дополнительную информацию по проблеме: здесь сексуальное воздержание обозначено уже не только как духовный закон, но как сфера физиологической гигиены. Ссылаясь на «выводы некоторых ме-

23. Здесь и далее цитируются фрагменты интервью, собранные в ходе полевых исследований Е.И. Мироновой в рамках работы над диссертационным исследованием «Источниковая база по истории повседневной жизни евангельских христиан-баптистов в Тамбовской области в 1940–1980-е гг.».

дицинский работников»[24], используя принятые в религиозном пространстве вербальные формы «целомудрие» и «воздержание», автор рассуждает о доводах в пользу сексуальной абстиненции как для психологического и социального становления личности, так и для физиологического здоровья молодых людей:

> Воздержание полезно: в кровь поступает больше гормонов, а это повышает общий тонус, работоспособность и выносливость[25]. <...> полное воздержание до двадцатипяти-двадцативосьмилетнего возраста благоприятно сказывается на развитии всех сил и способностей, и для занятых делом молодых людей не является чем-то неодолимым[26].

Этот текст демонстрирует, что духовная риторика о пользе воздержания вполне гармонировала с советскими установками того времени: согласно нормализующему мнению власти, сексуальность молодых несемейных людей должна была сублимироваться в пользу общественной занятости, самоотверженного труда, занятий спортом и саморазвития. В баптистских общинах несемейные люди, большинство которых составляли женщины, часто становились активистами церковного служения: проповедовали, руководили хором и музыкальными ансамблями, опекали одиноких престарелых членов общины, помогали многодетным семьям, организовывали библейские занятия с детьми и молодежью.

Обозначенные в статье возрастные нормы для начала половой жизни (25-28 лет), которая для верующих могла состояться только после бракосочетания, увещевание о позитивном значении абстиненции вплоть до тридцатилетнего возрастного рубежа выражали идею позднего брака, непривычную для обыденных представлений. Но для евангельских общин Центрального Черноземья, в которых гендерный дисбаланс оставался ощутимой, неразрешенной проблемой вплоть до перестроечного времени, идея возрастного брака была актуальной, в особенности для женщин, ведь многим из них приходилось мириться с вынужденным одиночеством из-за отсутствия неженатых молодых мужчин в поместных церквах. В среде тамбовских баптистов в 1950–1980-е гг. возрастные браки не были редкостью, а в условиях серьезно-

24. О браке // Братский вестник. 1968. № 5. С. 63.

25. Там же. С. 62.

26. Там же. С. 63.

го половозрастного дисбаланса, возникшего в общинах в начале 1960-х гг., такие браки имели и свою специфическую особенность. Группа неженатой молодежи в тамбовской общине в это время состояла из нескольких юношей в возрасте до двадцати лет и незамужних женщин, возраст которых превышал двадцативосьмилетний рубеж (согласно статистическим данным, возраст наиболее интенсивной брачности советских женщин в это время наступал к 23 годам[27]). Однако вопреки общественным предубеждениям о балансе брачных возрастов для будущих супругов (привычным и признанным условием гармоничного соотношения возрастов жениха и невесты считалось возрастное старшинство мужчины[28]) эти члены молодежной группы образовывали семьи[29]. Такой вид «неравного» брака в общинах официально был признан как приемлемая практика, но на уровне обыденных мнений восприятие женского возрастного старшинства оставалось традиционным: в семье оно было нежелательным[30]. Таким образом, наряду с особым одухотворением брачного союза и действием четких гендерных определений, в среде верующих действовали общепризнанные представления о значении возрастных психофизиологических особенностей для построения гармоничных взаимоотношений супругов-христиан.

О том, какие траектории романтических отношений до брака были приемлемы в баптистской среде, мы поговорим ниже.

Известно, что разработчики модели советского уклада семейной жизни полагали, что правильной пролетарской семье предшествует знакомство с пролетарием в пролетарской среде — в рабочем коллективе, в комсомольской ячейке, в партийной организации. Однако традиционным пространством знакомств советской молодежи и начала романтических отношений все же были танцплощадки, что подтверждают и социологические исследования[31]. В этой «теории целесообразности» верующие проявили большую последовательность: чаще всего встречи, знакомства и браки верующих происходили в пространстве общины.

27. *Ильина И.П.* Брачность, Влияние войн на брачность советских женщин // Сборник статей под редакцией А.Г. Вишневского. Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР. М.: Статистика, 1977. С. 59.

28. Там же. С. 53.

29. Сведения получены в общинах ЕХБ г. Тамбова.

30. Сведения получены в общинах ЕХБ г. Тамбова.

31. *Лебина Н.* Мужчина и Женщина: тело, мода, культура. СССР — оттепель. С. 16.

В религиозной среде локация для поиска пары задавалась главным критерием модели правильного брака: согласно баптистскому вероучению, член общины должен был вступить в брак с «помощником, соответственным ему» (Быт 2:18), то есть с подобным себе — со *своим*, с единоверцем, активным прихожанином поместной церкви.

Основное внимание в статье «О браке» («Братский вестник», 1947, № 1) уделено принципу выбора спутника жизни для члена баптистской общины. «Благословенным, а значит «правильным», назван «брак в Господе»[32], то есть брачный союз двух верующих людей — членов одного религиозного сообщества. В рассматриваемый период этот норматив большинством верующих воспринимался как единственно приемлемая, а потому желанная модель устройства собственной семейной жизни. Пожилая баптистка из тамбовской глубинки рассказала нам в интервью о собственном опыте «благословенного брака», основанием которого была общность мировоззрения супругов (лексика интервьюера сохранена):

> Верующая — за верующего надо итить. Хорошо с верующим-то мне было. У нас все мысли одни, разговоры одни, всё одно. Мы в церкву идем, всегда мы вдвоем идем, туды и оттуда. Все неверующие, бывало, завидуют! (Москалева М.А., Тамбовская обл., п. Первомайский, 2015.)

В рассматриваемой статье вариант «смешанного брака» (верующего с неверующим) обозначается как серьезное отклонение от нормы: проблема такого брака — в опасности поддаться «влиянию неверующей *супруги* и отпасть от Господа»[33]. Обратим внимание, что в нарративе «смешанный» брак — это вариант, возможный лишь для мужской линии брачного поведения. Эта рассматриваемая вероятность жестко диссонирует с послевоенными реалиями евангельских общин. Общины баптистов в это время иллюстрировали общую тенденцию отечественной демографии: основным, а иногда и стопроцентным контингентом большинства общин были женщины[34]. Ситуация в Тамбовской области подтверждает это. Тамбовская церковь ЕХБ, по-

32. О браке // Братский вестник. 1947. № 1. С. 66.

33. Там же. С. 67.

34. См. об этом в: *Белякова Н.А., Добсон М.* Женщины в евангельских общинах. 1940–1980-е гг. Исследование и источники. М.: Индрик, 2015. С. 42–51.

лучившая регистрацию в 1947 г., в это время состояла из сорока трех членов, мужчин среди них было всего восемь — престарелого небрачного возраста или уже женатых[35]. Таким образом, недостатка верующих женщин в общинах не наблюдалось, очевидным был дефицит мужчин. Однако автор рассматриваемой нами статьи не предполагает возможности приведения в христианство будущего супруга. О чем свидетельствует этот диссонанс с реальностью? Вряд ли можно серьезно говорить о гендерной дискриминации, проявленной мужским руководством евангельско-баптистского братства по отношению к женщинам. Сам по себе запрет на вступление в брак с неверующим является реакцией на агрессивную атеистическую среду, на невозможность ведения миссионерской работы среди неверующих. Однако, безусловно, он отражает и патриархальное представление о главенстве мужа в семье, в том числе в вопросах убеждений.

На практике брак с «мирским» человеком, не принадлежащим к особой (баптистской) общности, был исключением из общепринятых церковных норм и предусматривал жесткие санкции. Ниже приводится высказывание верующей из тамбовской общины, но результаты исследования подтверждают, что аналогичные дисциплинарные практики применялись во всех община ЕХБ региона в послевоенный период:

> Если «сестра», или «брат» выходили замуж или женились на неверующей, то отлучали, да. И отлучали потому, что в основном-то очень мало после этого, *особенно «сестры»*, продолжали ходить в церковь. Есть «мир» и человек мирской есть мирской человек. Сказал «нет» — и всё: и сиди дома, в церковь не ходи. Поэтому вот предупреждали, что можно просто потерять вечную жизнь вот таким образом, поменяв на жизнь земную (Ноготкова Т.М., Тамбов, 2013).

Из приведенного высказывания ясно, чем опасно для верующего создание семьи с представителем чужой среды — светским человеком: для евангельских христиан, практикующих общинную жизнь как важную часть личной религиозной жизни, возлюбленный-атеист мог стать (и зачастую становился) причиной отказа верующего от своих религиозных убеждений и выхода из общины.

35. Справка «О состоянии движения незарегистрированных групп верующих разных направлений и толков по Тамбовской области в разные периоды» // ГАТО. Ф. Р-5220. Оп. 2-с. Д. 42. Л. 34–38.

Однако случалось, что баптистки, даже зная о болезненности дисциплинарного взыскания — отлучения от церкви, за которым неизбежно следовало отчуждение со стороны большинства единоверцев, — все же выходили замуж за неверующих. И далеко не всегда брак с «мирским» означал для верующего конфликт с поместной церковью и приводил к изоляции таких семей от религиозной среды: смягчающими обстоятельствами в этой ситуации были проявленная верность общине и стремление обратить в веру своего супруга. Пожилая верующая из деревни Рысли Тамбовской области, характеризуя свой опыт жизни с мужем-коммунистом, употребила формулировку «великое ярмо (по аналогии с библейским «не преклоняйтесь под чужое ярмо с неверными» — 2 Кор 6:14), отразившую сложности семейных взаимоотношений с человеком противоположного мировоззрения (лексика интервьюируемого сохранена):

> Я вот выходила за няго [него], была верующей сама. Но я бы не советовала за неверующаго выходить. Как тяжело. Знаешь, как на себя берешь? Какую ярмо? Велику ярмо. Но я вышла за неверующего, но я ему не уступила ни грамма! (Коровяковская А.И., Тамбовская обл., Моршанский р-н, д. Рысли, 2015.)

Другая, начав романтическое общение с неверующим молодым человеком, все же, по собственному признанию, была готова оставить начавшиеся отношения, если бы они спровоцировали резонанс в общине:

> Я думала: «Если, Господи, он уверует, я буду знать, что это воля Твоя. Чтоб это не было ни для кого соблазном». И мы поженились, только когда он [будущий муж] уверовал (Ноготкова Т.М., Тамбов, 2017).

Стоит отметить, что супруги обоих верующих женщин не только приняли религию жен, но и впоследствии возглавили общины Тамбовского региона.

Случалось, что мужчина, влюбленный в девушку-баптистку, соглашался стать членом церкви притворно — чтобы добиться расположения потенциальной невесты. В воспоминаниях верующих встречаются два варианта исхода такого сюжета: притворщик признавался в своем обмане невесте на бракосочетании, и тогда ревностная христианка срывала с себя подвенечный го-

ловной убор и расторгала брак[36]; в другом варианте муж возвращался к светскому образу жизни вскоре после свадьбы, и для верующей жены семейная жизнь превращалась в страдания[37]. Эти сюжеты, взятые из реальной жизни, становились назидательными притчами, которые задавали стандарт поведения верующих в подобных противоречивых ситуациях и предупреждали о последствиях невнимательного выбора супруга.

Таким образом, требование заключать браки с единоверцами было необходимым условием для достижения идеала христианской (баптистской) семьи, но этот «естественный отбор» замыкал поиск кандидатов в мужья/жены в рамках поместных общин. Каким образом баптисты, скованные системой строгого ранжирования, действием запретов и предписаний находили себе пару? Из опыта жизни верующих мы узнаем, что в сельских районах вплоть до 1950-х гг. определяющее значение могла играть патриархальная традиция подбора пары родителями и родственниками[38]. Кроме этого, в городских и сельских общинах взять на себя заботу о судьбе молодых несемейных членов могли лидеры и старейшины церкви:

> И еще было так, когда братья, им например, двадцать три, двадцать пять [лет], просто ходят в церковь, и им задавали вопросы: «Почему так долго не женитесь? Ты думаешь жениться или нет? Подумай!». К этому вопросу их подвигали. Вот даже говорили: «Вот сестра. И вот сестра — обрати свое внимание». Не то, что конкретно советовали, но какие-то советы даже были (Ярмолюк В.Н., Тамбов, 2018).

Из этого фрагмента интервью мы видим, что брачная активность в среде верующих была, как и во всем советском обществе того времени, прерогативой мужчин: церковные лидеры проводили работу по активизации брачной жизни в общине через назидательные беседы с членами-«братьями».

Молодые верующие были основным активным контингентом общин, инициаторами проведения разнообразных массовых церковных мероприятий — репетиций музыкальных коллективов,

36. Благодарю пресвитера общины евангельских христиан-баптистов г. Тамбова А.П. Ярмолюка за то, что поделился со мной этими сведениями (г. Тамбов, 2016).

37. Благодарю М.Н. Седогину за то, что поделилась со мной этими сведениями (Липецкая обл., г. Усмань, 2016).

38. Об этом упоминали в интервью несколько респондентов.

спевок хора, субботников по благоустройству молитвенного дома, библейских уроков, поездок. Принимая участие в этих мероприятиях, молодые верующие знакомились, общались, влюблялись.

Пожалуй, самым идеализированным и романтичным в контексте баптистской субкультуры сюжетом, повествующем о возникновении симпатии у верующего юноши к «сестре» по вере, может служить пример из жизни старейшего дьякона тамбовской общины ЕХБ. По его признанию, симпатия к будущей жене у него возникла в тот момент, когда он наблюдал за ее участием в церковном священнодействии — водном крещении.

> Она [будущая жена] крещение принимала. И я увидел, когда она выходила из воды: как ангел. После крещения я еще как-то не смел подойти, думал: «Такая красивая девица». И вот потом, значит, я в армию ушел, решился написать письмо, и написал, что если ты будешь меня ждать, я буду надеяться, что мы с тобой поженимся. И она ждала (Туев Б.Г., Тамбов, 2017).

В другой статье «О браке» («Братский вестник», 1968, № 5) также отразился процесс переосмысления личных взаимоотношений верующих мужчины и женщины. В этой статье подчеркивается, что самым главным условием выбора брачного партнера является искренняя, «большая», взаимная любовь потенциальных супругов[39]. Кроме этого, в статье содержатся рекомендации, которым должен был следовать молодой верующий, чтобы утвердиться в правильности своего решения: в духе евангельского бытового богословия в них призывалось всецело доверять Богу, практиковать личную постоянную молитву, внимательно относиться к внешним обстоятельствам, через которые мог прийти ответ свыше, но при этом не мистифицировать события. Этот текст вводит нас в русскую евангельскую субкультуру, в которой присутствуют рассказы о молитве, получаемых знаках и снах, помогавших выбрать супруга. В качестве примера приведем нарратив из биографического интервью вдовы пресвитера общины города Усмань (Липецкая область), рассказавшей нам о подобном духовном опыте своего супруга:

> И вот ему было видение: приходит он куда-то и видит мою личность. Он рассказал [о видении] братьям [единоверцам] и они ему сказали: «Брат, имей в виду: это — Божье. Господь тебе по-

39. О браке // Братский вестник. 1968. № 5. С. 60.

> казал. Бодрствуй, молись, терпи» (Седогина М.Н., Липецкая обл., г. Усмань, 2016).

Характерно, что устные свидетельства о мистическом стечении обстоятельств встречаются в воспоминаниях верующих первых послевоенных десятилетий. В позднесоветский период у молодого поколения баптистов формируется критическое отношение к рассказам о чудесных знаках и знамениях. В соответствии с положениями статьи «О браке» 1968 г., молодые верующие были более склонны рационализировать события, чем их предшественники:

> Может быть это [чудеса и знамения] было у поколения до нас. Но, кстати, были ошибки в этих случаях, потому что это все-таки выбор человека (Ярмолюк В.Н., Тамбов, 2018).

После знакомства и взаимного согласия наступал период ухаживаний. Культура взаимоотношений полов в баптистских общинах диктовала подчеркнуто скромное и деликатное поведение юношей и девушек. Христианские представления о целомудрии вписывались в советский канон нравственного поведения молодежи, хотя последний, будучи официально утвержденным, на практике зачастую как морально-ценностная установка не реализовывался. Верующим импонировали советские предписания о нравственности, и они сами, как видно из фрагмента интервью с баптисткой, в прошлом — сотрудницей отдела социального обеспечения райисполкома, могли становиться борцами за моральный облик советской молодежи:

> На моем участке еще были многодетные, одинокие матеря. Село Петровское, у нас там был дом отдыха. Девчонки молодые, хохлушечки, отдавались очень быстро, вот, парням, которые приезжали туда отдыхать. Я старалась найти этого парня, на восемнадцать лет посадить его. А он, когда приезжал, на суд выходил: «Как на восемнадцать лет? Да она моя жена будет!». И забирал ее. Вот так очень много мне приходилось делать (Шишорина М.М., Воронежская область, Борисоглебск, 2015).

В позднесоветском обществе сексуальная мораль становилась все менее строгой, но в религиозной среде аскеза свиданий оставалась неизменным требованием, предъявляемым к молодым верующим влюбленным: любое принятое в светском обществе фи-

зическое проявление романтических чувств — поцелуи, объятия, хождения «за ручку» — исключалось; поощрялись совместная молитва, общение, труд в церкви, прогулки. Но в случае затянувшегося периода свиданий церковное руководство могло и поторопить влюбленных узаконить свои взаимоотношения[40].

Мы рассмотрели баптистскую концепцию устроения «благословенного брака», как она представлена в официальных источниках и как она воспроизводилась в реальности. Следующим пунктом нашего исследования — как логическим шагом, следующим за выбором супруга — становится баптистская свадьба, ее традиции и обычаи.

В досоветский период в основных вероучительных документах отечественного баптизма говорилось лишь о двух церковных священнодействиях: водном крещении и хлебопреломлении; при этом традиционного для ортодоксального христианства понимания этих религиозных практик как «таинств» в русском баптизме, по аналогии с западным протестантизмом, не было. Однако в послевоенное время в богословии баптистов начинается переосмысление вопросов экклезиологии: увеличивается количество церковных священнодействий и, в соответствии с «Положением о Союзе ЕХБ» (1948), вся ответственность за их исполнение сосредотачивается в руках лидера общины[41].

Побудительным фактором для такой трансформации богословских позиций ЕХБ, по мнению К. Прохорова, явилось не самостоятельное развитие вероучения братства, а возрастающее влияние на него православия.

Анализируя высказывания авторитетных церковных лидеров и богослужебную гимнографию, К. Прохоров заключает, что в это время в богословии баптистов сложилось понимание бракосочетания как «благодатно-таинственного соединения двух верующих людей в «одну плоть» (духовно и физически) для того, чтобы стать домашней церковью»[42]. Таким образом, по причине отсутствия в русском баптизме фундаментальных богословских разработок и системы просвещения, брак верующих из символического акта соединения мужчины и женщины родственными узами (на уровне смысла) и торжественного молитвенного собрания об-

40. Благодарю В.Н. Ярмолюк за то, что она поделилась со мной этими сведениями (Тамбов, 2018).

41. *Прохоров К.* Русский баптизм и православие. С. 161.

42. Там же. С. 176.

щины (на уровне религиозной практики) превратился в действо сакрального свойства.

Далее мы будем говорить о том, какой была и как изменялась традиция организации и проведения «брачного обряда» по баптистскому образцу.

Эксперименты советской власти по созданию новой гражданской обрядности — между полным отказом от ритуалистики до процесса ритуалотворчества — закончились в конце 1950-х гг. разработкой специфического обряда комсомольской свадьбы. Как показали предыдущие эксперименты, выдумать абсолютно новые формы проведения семейно-бытовых праздников было невозможно: этические нормы, эстетика ритуалов, символика действа были прочно вплетены в ткань отечественной культуры, четко отражали ритмы жизни и во все времена были близки и понятны людям. Поэтому, взяв за основу исконные традиции проведения такого рода мероприятий, власть рекомендовала переосмыслить их в соответствии с предписаниями марксистско-ленинской идеологии и образом жизни в социалистическом обществе[43].

Как отмечает Н.Б. Лебина, советский брачный ритуал 1950-1960-х годов имитировал религиозные традиции: вернулась символическая свадебная мода, появились специальные пространства для совершения обряда — дворцы бракосочетаний, где от представителя атеистической власти молодожены получали наставления в том, как правильно устраивать семейную жизнь, и где давали торжественные брачные клятвы[44].

В сравнении с динамично развивающейся и изменчивой светской бытовой культурой, уклад жизни евангельских христиан-баптистов отличался устойчивостью традиций и нормативов. В процессе развития церковной жизни в евангельской среде сложился неизменный канон официальной части брачной церемонии, обязательными элементами которой были: духовное наставление новобрачных пресвитером, торжественные обеты жениха и невесты, молитва, символический поцелуй новобрачных.

Духовное наставление пресвитера состояло в напоминании новобрачным принципов библейского учения о браке. Обязательно зачитывались вслух и толковались отдельные фрагменты Писания, повествующие о брачной жизни, семейных задачах мужа и жены, будущих родительских обязанностях.

43. *Лебина Н.* Мужчина и Женщина: тело, мода, культура. СССР — оттепель. С. 58.

44. Там же. С. 58–60.

Иллюстрация 1. Брачная церемония в общине ЕХБ г. Тамбова, начало 1980-х гг. Наставления молодоженам преподает В.А. Мицкевич. Фотография из личной коллекции В.Н. Ярмолюк

Затем следовали торжественные «обеты» будущих супругов «исполнить все, что написано», любить друг друга, заботиться друг о друге и хранить верность. Свидетелями данных женихом и невестой обещаний созидать свою семью в соответствии с библейскими и церковными предписаниями становились все члены общины: в прошлом свадебная церемония баптистов не отделялась от общего воскресного молитвенного собрания, а была его особенной частью. В русской культуре воскресенье — традиционно свадебный день, в евангельских церквах этот обычай получил свое специфическое прочтение в ключе особых религиозных воззрений. Рассмотрим их подробнее.

Бракосочетание, приблизившееся в исследуемый период к категории священного действия, не мыслилось независимой от общего молитвенного собрания религиозной практикой, его совершение требовало такой же публичности и участия всех членов общины, как и другие церковные установления — хлебопреломление, благословение младенцев, рукоположение на служение. Считалось, что молодая семья обязательно должна была получить признание всех «братьев» и «сестер» своей поместной общины в день, отмеченный в календарном жизненном ритме верующих как день основного молитвенного собрания, на котором совершалась коллективная, «соборная» молитва единоверцев. Важность воскресной свадьбы не подтверждалась уставами церквей, о ней не говорилось в бого-

словских текстах того периода, однако на уровне восприятия этот обычай оказался настолько устойчивым, что сохранялся во многих общинах ЕХБ вплоть до последних десятилетий.

После торжественных обетов жениха и невесты следовал этап молитвы. По устоявшемуся правилу жених и невеста молились коленопреклоненно, первой произносила молитву невеста, за ней — жених, который олицетворял «пастыря» будущей «домашней церкви», и потому его молитва служила итогом обращения невесты к Богу, по аналогии с заключительной молитвой пресвитера в завершение общего молитвенного собрания. Кроме этого, право испросить Божье благословение для новой христианской семьи предоставлялось родителям новобрачных, если они принадлежали к общине, и свидетелям — ближайшим друзьям жениха и невесты. Заключительную молитву с простиранием рук над головами супругов произносил пресвитер общины, который посредством этой молитвы передавал молодоженам «подлинное Божье благословение»[45]. Без заключительной молитвы духовного лидера «с возложением рук» брак не мог быть признан состоявшимся. Только после пресвитерской молитвы и гласного объявления новобрачных мужем и женой супруги могли поприветствовать друг друга первым «законным» поцелуем — публично.

Таковы устоявшиеся и неизменные этапы брачной церемонии, совершавшейся в русских баптистских церквах. Эти предписания исполнялись во всех общинах как обязательные для акта бракосочетания, но при этом на местах возникали и свои оригинальные традиции. Они выражались в подборе духовных песнопений и дополнительных символических действиях. Многие десятилетия в исторической городской общине Тамбова жених и невеста заходили в зал собраний под аккомпанемент общего пения верующих «Две руки пред Богом ныне съединились навсегда», а завершение действа могло происходить под православный распев «Многая лета».

В воронежской исторической общине трогательным и зрелищным моментом церковного бракосочетания в 1950-е гг. было символическое посвящение новоиспеченной супруги на служение мужу: принятие ею «знака для Ангелов» (1 Кор 11:5-10). По воспоминаниям супружеской пары из воронежской общины, на бракосочетание невеста являлась нарядная, но без фаты, и только после того, как основные этапы священнодействия совершались,

45. Там же. С. 177.

на серебряном подносе выносили «церковную» (общинную) фату, и жених покрывал ею голову невесты: «Почему? Значит — знак покорности. Жена должна иметь покрывало» (Лихих С.Д., Воронеж, 2017). В этом символическом действии хорошо угадывается старинный, некогда широко распространенный в Центральном Черноземье «обряд покрывания» невесты, а в брачную церемонию баптистов этот этап вошел как визуализированное толкование библейского постулата о подчинении жены мужу.

Иллюстрация 2. Свадебная фотография членов церкви ЕХБ г. Воронежа, 1956 г. Голову невесты покрывает «церковная фата». Фотография предоставлена Н.С. Мальцевой

> Торжественная обстановка, всеобщая радость и признание, моральное удовлетворение от осознания соответствия своей жизненной стратегии и модели поведения евангельским и церковным идеалам, по признанию верующих, делали день свадьбы действительно особенным: «Чувствуешь себя на седьмом небе. На такой на высоте, тебе приятно, конечно» (Ярмолюк В., Тамбов, 2018 г.).

С завершением «обряда» церковного бракосочетания священнодействие не заканчивалось, но продолжалось на свадебном обеде. На евангельском социолекте свадебный банкет получил наиме-

нование «брачного пира» — пример бытового усвоения библейской лексики.

Застолье могло проходить на территории молитвенного дома или непосредственно в нем. Этот подход к проведению свадебного торжества отразил духовные воззрения баптистов: стремление разделить личное жизненное событие с единоверцами проистекало из веры в духовную связь всех членов поместной церкви, представления о необходимости непосредственного, практического участия в жизни своей поместной общины, а особая «молитвенная обстановка» во время свадебного застолья становилась гарантом семейного счастья молодоженов.

На баптистской свадьбе отсутствовали компоненты комсомольской свадьбы: возложение цветов к «вечному огню», посещение могилы «неизвестного солдата», фотографирование у городского памятника В.И. Ленина — акты символического заявления о своей советской идентичности, так же как гармонь, танцы и алкоголь — традиционные элементы русского праздничного веселья. Психологическая атмосфера «брачного пира» баптистов в 1950–1960-е гг. определялась предписанными для евангельского верующего нормами поведения: излишнее веселье, смехотворство, громкие и отвлеченные разговоры считались если не греховными, то не приличествующими христианину в повседневной жизни, особенно в молитвенном доме[46]. Правильная баптистская свадьба должна была сопровождаться спокойной возвышенной радостью и благоговейным настроением молодоженов и гостей.

Со временем в сценарий церковной свадьбы проникали народные традиции, которые приобретали специфические «евангельские» оттенки. Например, в тамбовской общине в 1970–1980-е гг. перед началом брачного пира молодой паре предлагались хлеб–соль как символическое пожелание материального достатка и наказ быть по-библейски гостеприимными[47]. В Воронеже в заключительной части брачного пира с головы невесты подружки снимали подвенечную фату и повязывали косынку — «знак для ангелов», и действие совершалось под аккомпанемент торжественного духовного пения[48].

46. См. об этом *Прохоров К.* Русский баптизм и православие. С. 298, 319.

47. Благодарю В.Н. Ярмолюк за то, что поделилась со мной этими сведениями (Тамбов, 2018).

48. Благодарю Н.Д. Мальцеву за то, что поделилась со мной этими сведениями (Тамбов, 2018).

Иллюстрация 3. Свадьба в общине г. Воронежа, середина 1980-х гг. С головы невесты снимают подвенечную фату, чтобы затем покрыть косынкой. Фотография из личной коллекции Н.С. Мальцевой

В позднесоветский период баптистское брачное торжество стало значительно зрелищнее. На свадьбу «сектантов» сходились посмотреть люди из «внешнего мира» — соседи, простые прохожие. Внимание зрителей привлекали массовость мероприятия, выступления проповедников, игра музыкальных ансамблей, дружное пение, сценические миниатюры и декламации. Вспоминая о свадьбе своей дочери, верующая из воронежской церкви рассказала о реакции внешних наблюдателей, впервые познакомившихся с «экзотикой» христианской свадьбы (лексика интервьюируемой сохранена):

> Молодежи у нас много было, приехали отовсюду: из других городов, с Тамбова, из Москвы — ну в общем триста пятьдесят человек. Первый раз свадьба баптистов здесь у нас. Собрался весь поселок [посмотреть], а самое главное, что на нашей улице, еще домов через десять, тут же была *неверующая свадьба*. И так приходят к нам, интересно им: «И что, без выпивки? Как? Да не может быть, чтобы они без выпивки, чё-то они пьют, что так весело, радостно у них!» (Лихих К.П., Воронеж, 2017)

Иллюстрация 4. Свадьба в общине ЕХБ г. Тамбова. Группа молодежи общины, начало 1980-х гг. Фотография из личной коллекции Т.М. Ноготковой

Массовость мероприятия и повышенный интерес общественности к баптистским свадьбам провоцировали агрессивную реакцию местной власти[49]. Свадьбы в общинах сторонников Совета церквей ЕХБ (баптистов-«инициативников») посещали не только простые любопытствующие, нередко незваными гостями становились представители органов власти.

В государственном архиве Тамбовской области, в материалах регистрационного дела тамбовской общины, был обнаружен интересный документ — докладная записка, в которой осведомитель сообщал местному уполномоченному Совета по делам религиозных культов о планируемом группой «инициативников» мероприятии — свадебном торжестве, представляя его как хорошо спланированную пропагандистскую программу:

> Довожу до вашего сведения о том, что к 19 января с.г. в г. Тамбов приедет из г. Воронежа Мельситов Алексей Антонович для усиления сектантской пропаганды в г. Тамбове и его окрестностях, кроме того Мельситов А.А. будет в доме Бастрыкина Ильи Петровича

49. См. об этом: *Белякова Н.А.* Коллективные практики типичной общины евангельских христиан-баптистов в позднем СССР // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 3–4. С. 304.

> совершать бракосочетание 20.1.62. Вся проводимая работа будет направлена для широкого охвата слушателей[50].

Каким образом отреагировал на эту информацию уполномоченный, мы не знаем, но, возможно, следствием стало то же, что произошло на свадьбе в сельской общине Липецкой области, когда «день счастья» молодоженов-христиан превратился в подобие военной операции властей по противодействию экстремизму:

> [Идет] у нас свадьба: сочетание, молитва, проповеди, пение. И кушали сидели. И очень много кэгэбистов, милиции — тогда строго. <…> С райкома женщина и мужчины. <…> Еще подмога оттуда: машины военные. Но ничего они не добились (В., Липецкая обл., с. Тербуны, 2017).

В заключение темы о брачной обрядности баптистов стоит упомянуть о специфическом значении свадебной моды.

Будучи одним из средств конструирования социальной идентичности и отражением норм и аномалий повседневной жизни, мода была взята под контроль государственной культурной политики с самого начала становления советской власти[51]. Свадебные наряды жениха и невесты в их привычном, признанном, веками слагавшемся образе: белое платье и черный костюм, — пережив период тридцатилетней репрессии как элемент буржуазной, религиозной, а потому отжившей традиции, в конце 1950-х гг. вновь стали неотъемлемыми атрибутами «дня счастья» для советских новобрачных[52]. Но в религиозной среде белое подвенечные платье и фата никогда не предавались забвению, потому что не лишались своей коммуникативной функции, символического смыслового звучания. На фотографиях 1950-х — начала 1960-х гг. невесты-баптистки тамбовского региона запечатлены в удлиненных закрытых платьях, практически лишенных дополнительного декора, и в декоративных венцах с длинной фатой. Характерно, что в тамбовской общине ЕХБ, как и в воронежской, брачный венец был «общинным» — передавался от невесты к невесте вплоть до середины 1960-х гг., то есть до времени популяризации новой свадебной моды.

50. ГАТО. Ф. Р-5220. Оп. 1. Д. 311. Л. 50.

51. См. об этом: *Лебина Н.Б.* Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. С. 157–165.

52. *Лебина Н.* Мужчина и Женщина: тело, мода, культура. СССР — оттепель. С. 62.

Иллюстрация 5. Свадебная фотография членов общины ЕХБ г. Тамбова. Тамбов, 1956 г. Фотография из личной коллекции Б.Г. Туева

Иллюстрация 6. Свадебная фотография членов общины ЕХБ г. Тамбова. Тамбов, 1961 г. Фотография из личной коллекции Б.Г. Туева

Иллюстрация 7. Свадебная фотография членов общины ЕХБ с. Вячки Кирсановского района Тамбовской области и группа тамбовской молодежи. Кирсанов, начало 1960-х гг. Фотография из личной коллекции М.П. Поповой

На всех трех фотографиях голову невесты украшает один и тот же подвенечный головной убор.

В зафиксированном на фотографиях брачном наряде баптисток смысловым акцентом, безусловно, является головной убор из текстильных или бумажных цветов — объемный, высокий, сделанный на манер фольклорных[53] женских брачных венцов. Символическое значение этого элемента свадебного одеяния состояло в сообщении об особенно важном условии «благословенного брака» — благочестии невесты; венец с фатой, как и белое платье, визуализировали и публично подтверждали ее девственность. Но в позднесоветский период, с развитием в баптизме представлений о приоритете личной веры над внешней религиозностью, эти знаки начали утрачивать свою актуальность, что хорошо иллюстрируется эпизодом из жизни верующей тамбовской общины. В период подготовки к свадьбе она столкнулась с непониманием церковного руководства, когда сказала, что не хочет надевать фату на церковное бракосочетание, но, в конце концов, была вынуждена подчиниться общему требованию, дабы не навлечь на себя подозрения в нецеломудренном добрачном поведении: «Братья сказали: „У нас так принято“ — в общем: заставили» (Ноготкова Т.М., Тамбов, 2017).

Выше мы говорили об идеальном варианте брачного священнодействия в баптистской общине, которому предшествовала правильно выстроенная модель добрачных отношений, однако необходимо затронуть и другой вариант — свадьбу людей, поведение которых «отклонилось» от религиозных стандартов.

Как мы уже знаем, нарушения молодыми людьми моральных и поведенческих предписаний о «добрачной чистоте» были из ряда вон выходящими, «шоковыми» случаями. Наиболее частыми и строгими дисциплинарными взысканиями за отступление от целомудренного поведения были: «замечание», то есть публичный выговор с временным запретом на участие в церковных священнодействиях, и «отлучение» — приостановка членства в общине на некоторый промежуток времени, «до покаяния». В случае прелюбодеяния о церковном бракосочетании речь не шла вовсе, но если молодые люди сами сознались в нарушении норм поведения, то есть открыто признали свою ошибку, и при этом желали создать семью, то им преподавалась молитва о браке. Порядок этого особого действия не включал этапов, необходимых

53. В конце эпохи большого стиля основным направлением работы советских домов моды было повсеместное использование фольклорных мотивов. См.: *Васильев А.* Русская мода. 150 лет в фотографиях. М: Изд-во СЛОВО/SLOVO, 2006. С. 300.

для того, чтобы оно было признано священным: молитва о браке совершалась на дому, без возложения рук, а кроме того, согласно устоявшемуся требованию, невеста лишалась привилегии носить символ своей невинности — подвенечную фату.

Проведенное исследование демонстрируют, что в баптистских общинах именно женщины были основными реципиентами дисциплинирующих практик в сфере взаимоотношений полов. Существующие религиозные предписания и нормативы четко определяли образ брачного поведения незамужних верующих женщин: от рекомендаций сексуального воздержания, запрета на брак с атеистами и иноверцами до сохранения традиции символического подтверждения благочестия брака посредством одеяния невесты. Добровольное следование строгим предписаниям и запретам в сфере взаимоотношения полов становилось для верующих способом достижения личной святости — избранной модели религиозной идентичности. Очевидно, что стратегия брачного поведения, которая была предложена баптистским сообществом для своих членов в советский период, способствовала сохранению барьеров между жизненным миром общин и внешней агрессивной средой, что, в конечном итоге, должно было обеспечить выживание религиозной общности в атеистическом социуме. С другой стороны, очевидно, что запреты, относящиеся к выбору брачного партнера, в условиях половозрастного дисбаланса в баптистских общинах могли негативно сказаться на демографической ситуации в поместных церквах.

Кроме этого, представленные в настоящем исследовании сюжеты дают основание поразмышлять о том, насколько описанные в современных исследованиях императивы власти в сфере гендерных и семейных отношений работали на практике. Сделанные в ходе исследования наблюдения показывают, что в послевоенный период в евангельском сообществе существовали собственные установки, касающиеся брачно-семейных отношений, которые в силу расширения приватной сферы в позднем СССР могли быть достаточно успешно реализованы. Сюжеты показывают также и динамичность восприятия евангельской средой гуманизирующих установок. Одновременно установки о целомудрии и воздержании, отказ от обсуждения эмоционально-чувственной составляющей отношений между мужчиной и женщиной, с одной стороны, смыкались с официальным советским политическим дискурсом, а с другой — показывали расхождение с жизненными реалиями советского человека.

Библиография / References

Источники

О браке // Братский вестник. 1947. № 1. С. 63–68. [http://mbchurch.ru/upload/iblock/f81/bv_1947_1.pdf. доступ от 14. 12. 2017].

О браке // Братский вестник. 1968. № 5. С. 60–63. [http://mbchurch.ru/upload/iblock/363/bv_1968_5.pdf, доступ от 15. 12. 2017].

Государственный архив Тамбовской области (ГАТО).

Ф. Р-5220. Оп. 1. Д. 311. Л. 50.

Ф. Р-5220. Оп. 2-с. Д. 42. Л. 34–38.

Интервью

Коровяковская А.И., взято 15. 02. 2015, Тамбовская обл., Моршанский р-н, д. Рысли.

Лихих С.Д. и К.П., взято 18.07.2017, г. Воронеж.

Л.В., взято 23.08.2017, Липецкая обл., Тербунский р-н, с. Тербуны.

Мальцева Н.С. (о практиках в общине г. Воронежа), взято 18.02.2018, г. Тамбов.

Москалёва М.А., 8.02. 2015, Тамбовская обл., Первомайский р.-н, п. Первомайский.

Ноготкова Т.М., 8.08.2013, 23.11.2017, г. Тамбов.

Седогина М.Н., взято 4.08.16, Липецкая обл., г. Усмань.

Туев Б.Г., взято 22.05.2017, г. Тамбов.

Шишорина М.М., взято 6.08.2015, Воронежская обл., г. Борисоглебск.

Ярмолюк А.П., взято 1. 02. 2016, г. Тамбов.

Ярмолюк В.Н., взято 1. 02. 2016, 4. 02. 2018, г. Тамбов.

Литература

Антонова М.В. Советская социальная политика: семейно-бытовой аспект. 1950–1960-е годы: автореф. дис. канд. исторических наук. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гос. ун-т экономики и финансов, 2010.

Белякова Н. А. Коллективные практики типичной общины евангельских христиан-баптистов в позднем СССР // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. № 3-4 (30). 2012. С. 284–314.

Белякова Н. А., Добсон М. Женщины в евангельских общинах. 1940-е–1980-е гг. Исследование и источники. М.: Индрик, 2015.

Васильев А. Русская мода. 150 лет в фотографиях. М: Издательство СЛОВО/SLOVO, 2006.

Здравомыслова Е.А., Тёмкина А.А. Государственное конструирование гендера в советском обществе // Журнал исследований социальной политики. Т. 1 (3/4). С. 299–320.

Лебина Н.Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М.: Новое литературное обозрение, 2016.

Лебина Н.Б. Мужчина и женщина: тело, мода, культура. СССР — оттепель. М.: Новое литературное обозрение, 2017.

Миронова Е.И. Советский культпросвет и субкультура верующих евангельских христиан-баптистов в первые послевоенные десятилетия (на примере Тамбовского региона) // Философские традиции и современность. № 1. 2016. С. 118–122.

Никольская Т.К. Русский протестантизм и государственная власть в 1905–1991 гг. СПб: Издательство европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009.

Прохоров К. Русский баптизм и православие. М.: Издательство ББИ, 2017.

Пушкарева Н.Л. Гендерная система советской России и судьбы россиянок // Новое литературное обозрение. № 117. 2012. [http://magazines.russ.ru/nlo/2012/117/p5.html, доступ от 2.10.2017].

Рабжаева М.В. Историко-социальный анализ семейной политики в России XX века // Социологические исследования. 2004. № 6. С. 89–97.

Sources

"O brake" ["On the marriage"] (1947), in *Bratskii vestnik* 1: 63–68. [http://mbchurch.ru/upload/iblock/f81/bv_1947_1.pdf, accessed on 14.12.2017].

"O brake" ["On the marriage"] (168), in *Bratskii vestnik* 5: 60–63. [http://mbchurch.ru/upload/iblock/363/bv_1968_5.pdf, accessed on 15.12.2017].

GATO — State Archive of Tambov Region.

F. R-5220 R. 1. C. 311, P. 50.

F. R-5220. R. 2. C. 42. P. 34–38.

Interviews

Koroviakovskaia A.I., 15 Feb. 2015, Tambovskaia obl., Morshanskii r-n, d. Rysli.

Likhikh S.D. i K.P., 18 Jul. 2017, Voronezh.

L.V., 23 Aug. 2017, Lipetskaia obl., Terbunskii r-n, s. Terbuny.

Mal'tseva N.S. (o praktikakh v obshchine g. Voronezha), 18 Feb. 2018, Tambov.

Moskaleva M.A., 8 Feb. 2015, Tambovskaia obl., Pervomaiskii r-n, p. Pervomaiskii.

Nogotkova T.M., 8 Aug. 2013, 23 Nov. 2017, Tambov.

Sedogina M.N., 4 Aug. 2016, Lipetskaia obl., g. Usman'.

Tuev B.G., 22 May 2017, Tambov.

Shishorina M.M., 6 Aug. 2015, Voronezhskaia obl., g. Borisoglebsk.

Iarmoliuk A.P., 1 Feb. 2016, Tambov.

Iarmoliuk V.N., 1 Feb. 2016, 4 Feb. 2018, Tambov.

Literature

Antonova, M. (2010) *Sovetskaia sotsial'naia politika: semeino-bytovoi aspekt. 1950–1960-e gody: avtoref. dis. kand. istoricheskikh nauk* [Soviet social politics: family and domestic aspect. 1950–1960s]. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij gos. un-t ekonomiki i finansov.

Belyakova, N. (2012) "Kollektivnye praktiki tipichnoj obshchiny evangel'skikh khristian-baptistov v pozdnem SSSR" ["Collective Practices of a Typical Community of the Evangelical Baptists in Late USSR"], in *Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom* 3-4: 284–314.

Belyakova, N., Dobson, M. (2015) *Zhenshchiny v evangel'skikh obshchinah. 1940-e–1980-e gg. Issledovanie i istochniki* [Women in evangelical churches. 1940–1980s. Research and sources]. M.: Indrik.

Lebina, N. (2016) *Sovetskaia povsednevnost': normy i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bol'shomu stiliu* [Soviet daily life: norms and anomalies. From War Communism to grand style]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie.

Lebina, N. (2017) *Muzhchina i zhenshchina: telo, moda, kul'tura. SSSR — ottepel'* [Man and woman: body, fashion, culture. USSR — the Thaw]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie.

Mironova, E. (2016) "Sovetskij kul'tprosvet i subkul'tura veruyushchikh evangel'skikh khristian-baptistov v pervye poslevoennye desyatiletiia (na primere Tambovskogo regiona)" ["Soviet culture and education and Evangelical Christian Baptist subculture in the first post-war decades (the case of Tambov region)"], in *Filosofskie traditsii i sovremennost' 1:* 118–122.

Nikol'skaya, T. (2009) *Russkii protestantizm i gosudarstvennaia vlast' v 1905–1991 gg*. [*Russian Protestantism and state power in 1905–1991*]. SPb: Izdatel'stvo evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge.

Prohorov, K. (2017) *Russkii baptizm i pravoslavie* [Russian Baptism and Orthodoxy]. M.: Izdatel'stvo BBI.

Pushkareva, N. (2012) "Gendernaia sistema sovetskoi Rossii i sud'by rossiianok", ["Gender roles in the Soviet Russia and the fate of Russian women"], *in Novoe literaturnoe obozrenie* 117 [http://magazines.russ.ru/nlo/2012/117/p5.html, accessed on 2.10.2017].

Rabzhaeva, M. (2004) "Istoriko-sotsial'nyj analiz semeinoj politiki v Rossii veka" ["Historical and social analysis of family politics in Russia in the XX century"], in *Sociologicheskie issledovaniya* 6: 89–97.

Vasil'ev, A. (2006) *Russkaia moda 150 let v fotografiiakh* [*150 years of Russian fashion in photographs*]. M: Izdatel'stvo SLOVO.

Zdravomyslova, E., Tyomkina, A. (2003) "Gosudarstvennoe konstruirovanie gendera v sovetskom obshchestve" ["Political construction of gender in the Soviet society"], in *Zhurnal issledovanii sotsial'noi politiki* 1 (3/4): 299–231.